

ФРАГМЕНТЫ КАРЕЛЬСКОГО ИМЕНОСЛОВА В ЗАОНЕЖЬЕ (по архивным документам середины XVII века)¹

Аннотация: В статье анализируются некалендарные карельские антропонимы, выявленные в архивных документах середины XVII в. по Заонежскому полуострову и свидетельствующие о карельском наследии этой территории. Среди них есть так называемые родовые патронимы и собственно прозвищные именованья. Как и свойственно прозвищам, они отражают негативные характеристики человека. Для этимологии широко привлекались данные современной карельской антропонимии.

Ключевые слова: антропонимы, карельский язык, XVII в., Заонежье.

Summary: The article discusses non-calendar Karelian anthroponyms found in documents of the 17th century on the Zaonezhsky Peninsula. They reflect Karelian heritage of this territory. Among them there are patronymics and proper nicknames. As is typical of nicknames, they reflect the negative characteristics of a person. For etymology the data of modern Karelian anthroponymy were widely used.

Keywords: anthroponyms, Karelian language, XVII century, Zaonezhye.

Топонимия и диалектная лексика Заонежья надежно свидетельствуют о прибалтийско-финском прошлом этой территории. В то же время следы вепсского и карельского именника чрезвычайно редки в известных материалах писцового дела XVI–XVII вв. – наиболее доступных и часто привлекаемых для антропонимических исследований источниках.

Наше исследование выполнено на базе подлинных заонежских и шире – олонецких архивных материалов середины XVII в., которые крайне редко попадают в поле зрения филологов. Их основную массу составляют делопроизводственные источники заонежского волостного самоуправления, а также государственная документация Олонецкого уезда, составленная на местах с опорой на информацию местных жителей (локальные переписи). Имеются также публично-правовые документы, такие, как жалобы (*челобитные*), и реакция на них олонецкой воеводской администрации (например, протоколы следствия). В силу самой специфики этого материала в нем более часты родовые патронимы и прозвищные именованья, бытовавшие в народной среде.

Упомянутые документы находятся в трех главных собраниях:

1. Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 98. Олонецкая воеводская изба. Картоны 1–5;

2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Олонец. Д. 5 Переписные книги солдат и драгун олонецких полков «нового строя» Ивана Дивова 1657 года. 1130 л. (9 книг);

3. РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Поместный приказ. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел – зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л.

О последнем источнике следует сказать особо. Перечисленные в нем карельские переселенцы практически не достигли самого Заонежского полуострова, а осели вдоль его западной границы, по линии Лычный Остров на оз. Сандал – Кондопога – устье р. Суны. Видимо, именно эта волна карелов стала основой для формирования затем карелов-людиков. Однако документ важен для понимания того, что зафиксированный в других источниках середины XVII в. собственно заонежский именослов является результатом более раннего многовекового этноязыкового и в целом этнического прибалтийско-финско-русского взаимодействия.

Репрезентация заонежан традиционно представлена формулой – календарное личное имя (как правило, в diminutivной форме) и отчество, также выраженное календарным именем. Двучленные именованья составляют основной костяк именослова. Трехчленные имена редки, но именно в них прежде всего выявляются антропонимы с прибалтийско-финскими истоками, потенциально свидетельствующие о карельском или вепсском происхождении рода. Такие трехчленные структуры делятся на два вида именованья, граница между которыми, видимо, достаточно условна. Первая – это собственно прозвищные именованья, не оформленные посессивным формантом *-ев/-ов* или *-ин*. Ивашка Иванов *Гайдук* (Кижск. пог.) не имеет, конечно, никакого

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

отношения к гайдукам – повстанцам-партизанам на Балканах и в Венгрии в эпоху турецкого владычества (термин XIX в.), в нем воспроизводится карел. *haitukka* ‘бездельник, лодырь’². Этимология поддерживается фамилией *Гайдуков* – ливв. *Haidukka, Haidukku* (Видлица Олон.) [КТК]³. Прозвище *Мурза* в Дмитрейко Павлов сын *Мурза* (Шунг. пог.) может в принципе восходить к историческому титулу феодальной знати в татарских государствах в XV в., особенно с учетом того, что в Писцовых книгах 1616 г. в Шунгском погосте упомянут «бобыль Мурза Онисимов»⁴ и в целом есть некоторое количество антропонимов тюркского происхождения. Однако, с другой стороны, карельская фамилия *Mursu* отмечается в документах православного прихода Салми в 1900 г.: Ларион Тихонов Мурсу⁵. Этимологически антропоним связан с карельским глаголом *muršistoa* ‘смотреть насупившись, озлобленно’. Таких прозвищных именований около десятка, и они являют собой «строительный материал» для фамильных образований. В силу этого семантически они практически идентичны последним.

В свою очередь, суффиксальные образования используют посессивные суффиксы *-ев/-ов* или *-ин* с преобладанием первых. Это еще не фамилии в современном понимании термина. Скорее следует говорить о патронимах, родовых именованиях, сохраняющих межпоколенческую преемственность и попадающих периодически в официальные документы.

Реконструкция карельских антропонимов XVII в. предполагает учет нескольких опорных моментов: семантическая характеристика, наличие соответствующей антропонимной основы в прибалтийско-финском именослове, языковые параметры. Репертуар карельских антропонимов XVII в., реконструирующихся на базе трех делопроизводственных источников, при всей фрагментарности материала вполне укладывается в общий прибалтийско-финский номинативный контекст и отражает универсальные для антропонимии процессы. Составляющие его номинации формируются на основе негативных мотивов именования: изъяны во внешнем облике, а также в плане социальных характеристик личности. В этом заонежские номинации не уникальны. Такие стереотипные негативные характеристики личности являются ономастическими универсалиями и составляют костяк некалендарного именослова разных языков и народов. В основе лежит принцип «антинормы»: не укладывающиеся в норму характеристики обращают на себя внимание и становятся основанием для номинации. Такие именования рождаются, как правило, не в семье, а в более широком сообществе.

В качестве мотивировочного признака выступают физические особенности человека:

Данилка Сидоров *Шембин* (Киж. пог.): фин. *sompa, somma*, карел. *šompa, šomba* ‘кольцо лыжной палки’, ливв. *šombu* ‘кольцо, к которому прикреплялось грузило’. В финских говорах зафиксировано его метафорическое использование: *sompa* ‘ребенок, ребятиг’⁶, судя по которому в семантическом поле актуализированы компоненты ‘круглый и маленький’ с возможной семантикой ‘человек плотного телосложения и небольшого роста’. Фамилия *Šombu/Шомбин* известна у карелов-ливвиков в Сямозерье, там же дер. *Шомба* [КТК].

Июдка *Принков* (Киж. пог.): карел. *prinkku* ‘о человеке: тощий и высокий’. Фамилия *Принков* бытовала в XX в. по крайней мере в Янишполе (Конд.) [КТК].

Федка Ермолин *Пелтин* (Киж. пог.): ср. карел. *pöltynä* ‘толстяк, объевшийся, обжора’ как образование с суффиксом *-nä/-na*, свойственным именованиям человека по разным его качествам, от глагола *pöltšisteä* ‘пухнуть, толстеть’.

В Ондрюшка *Лекшин* (д. Кургеницы Киж. пог.) интерпретация внутренней формы именования неоднозначна: карел. *lökšy* ‘толстяк’ при *lökšeä* ‘брести медленно, лениво’, *lökšätä* ‘делать неспешно, расслабленно’. При этом в восточных финских говорах известно производное *löksänä* ‘неумеха, бестолковый, неряха’⁷. Толстый – ленивый – бестолковый – такой повторяющийся набор сем носит универсальный характер, свойственный, очевидно, многим языкам. Фамилия *Lökšy* (Petter Wasiljeff Loykschy) известна по документам конца XIX в. в Салминском приходе⁸.

² Здесь и далее значение карельских слов приводится по: Karjalan kielen sanakirja. 1–6 (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu; 18). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968–2005.

³ Здесь и далее данные по современной топонимии и антропонимии (фамилиям) Карелии приводятся со ссылкой на КТК – картотеку топонимов Карелии (хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН).

⁴ Чернякова И. А. История Карелии XVI–XVII вв. в документах. IV. Писцовые книги Заонежских погостов 1616–1619 гг. [в 2 ч.] / И. А. Чернякова, Е. Д. Сулова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. Ч. 1: Церковное и поместное землевладение. С. 82. <http://carelica.petrus.ru/mediateka/home/sources/3.html>

⁵ Partonen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksisvähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017. S. 505.

⁶ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 556).

⁷ Suomen murteiden sanakirja (Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu; 30). 2011–2021. Доступ: <http://kaino.kotus.fi/sms/>. Картотека хранится в Центре национальных языков Финляндии / Kotimaisten kielten keskus (Хельсинки).

⁸ Partonen O. Rajakarjalaisen sukunimistön... S. 414.

Агафонка Васильев *Рекшин* (Киж. пог.): *rökšy* ‘о человеке: большой, громоздкий, медлительный’. В словаре финских фамилий фамилия *Röksä*, которая фиксировалась в документах по территории Карельского перешейка и финской провинции Северная Карелия в XVII–XVIII вв., ошибочно возводится к ландшафтному термину *röksä* ‘низина между горами; бурелом; грязное труднопроходимое место’⁹. Такая интерпретация не укладывается в общую типологию карельских родовых именований, для которых чужда номинация по географическим реалиям.

Гришка Алимпиев *Чюбарин* (Тамбицы): *čubero* ‘маленький, крошечный’. Фамилия *Čubari* (Федор Никифоров Чубари) бытовала в начале XX в. в Салминском приходе в карельском Приладожье¹⁰.

Списки содержат несколько антропонимов, этимоны которых имеют семантику ‘ленивый’. Кроме отмеченной выше номинации *Гайдук* в список входит Иван Васильев сын *Мелтяков* (Шунг. пог.), в основе допустимо воспроизводить производное от глагола *meltovu* ‘разленился, расслабился’, Фочка Иванов *Куталов* (Киж. пог.): карел. *kutaleh* ‘бездельник, слоняющийся без дела, лентяй’. Видимо, в этом же ряду Ивашка Остафьев *Шлямин* (Киж. пог.), ср. карел. *šläimy* ‘вялый, расслабленный, лентяй, бездельник’: *tyttö on tozi šläimy, ei kehtaa ni midä raadaa* ‘Девочка ленива, ничего не хочет делать’. Фамилия *Шлямин* и дер. *Шлямино* известны в Андоме (устные данные А. И. Соболева).

В следующий смысловой блок входят именования, объединяемые семантикой ‘глупый’:

Степашка *Пеллеев*: карел. *röllö* ‘бестолковый; не умеющий себя вести’. В одном ряду род *Pölläkäizet* – рус. *Пелякин*, зафиксированный в документах XVI в. по Кемской волости (данные Д. В. Кузьмина), Кирилка Микитин сын *Пеллюй* в Лубосалме и, возможно, Игнатко Федоров сын *Пелвиев* в Селецком погосте¹¹.

Ивашка Иванов сын *Гайгирев* (Киж. пог.). В говорах Беломорской Карелии слово *haikara* значит ‘ум, разум, понимание’, однако используется только при выражении недостатка или отсутствия ума: *vähä on peäššä haikaroa* ‘мало в голове ума’, *läksi haikaraltah* букв. ‘вышел из ума’. В восточных финских говорах им именуют рассеянного, забывчивого, глупого, что в общем контексте прозвищных именований дает основание полагать негативную семантику и у карельского антропонима.

Список номинаций глупых продолжает Ивашко Данилов *Курик* (Киж. пог.): карел. *kurikka* ‘дубина, коло-тушка для колки дров’ имеет также метафорическую семантику ‘башка; большая и пустая голова’, которая была активно востребована в прибалтийско-финской антропонимии как прозвище недалекого человека¹². По данным КТК фамилия *Куриков* широко известна карельскому именнику и зафиксирована у людиков (Лычный Остров Конд.), ливвиков (Крошнозеро Пряж.), в виде «уличной» *Kurikka* бытует в собственно карельской среде (Реболы Муез., Семчозеро Медв.) и др. Антропоним использовался также в традиционном вепсском антропонимиконе, оставив свои следы в ойконимах – названиях поселений на современной и исторической вепсской территории (*Курикиничи*, *Курикина Гора*, *Курикова* и др.).

Аналогичную семантическую деривацию допустимо реконструировать и в Ивашко *Чивур* (Киж. пог.): карел. *čiuoi* ‘головастик’ приобретает вторичное значение ‘большая, но пустая голова’ → ‘пустоголовый’.

Сема ‘глупый’ воплотилась в Самсонко Федотов *Туев* (Киж. пог.): *tuju* или *tuiju* ‘чудак’ [КТК], ср. его использование в коллективных прозвищах: *Tuuksen tujut* ‘тукинские глупцы’ применительно к жителям д. Туксы Олонецкого района или *Tollon tujut* – о жителях деревни Толлореки в окрестностях Вокнаволока.

Отрицательная внутренняя форма свойственна и другим лексемам с прибалтийско-финскими корнями, закрепившимся в роли патронимов в Заонежье. Среди них Григорий Кондратов *Рипсаков* (Шунг. пог.): *ripsakka* ‘лихой, неумный’; Сенка Иванов *Ряпиков* (Типиницы Киж. пог.): в основе реконструируется закономерное отглагольное производное **räpäkkö* (при зафиксированных в KKS *räpätti*, *räpäčču*) ‘болтун’ от глагола *räpetteä* ‘говорить много и быстро’. Однокоренная фамилия *Ряпиев* (ливв. *Räppi*) бытует в современной антропонимии Олонецкого района (с. Большая Сельга). В Мосейко *Чаков* и Гришка *Пуйлин* патронимы номинируют скандалистов, склочных людей: карельские глаголы *čakata* и *puilie* значат ‘ругаться, браниться, ссориться’. При этом первая антропонимная основа хорошо известна в карельском именослове в виде *Чаккоев* (ливв. *Čuakku*) на Сямозере, *Чаккиев* (карел. *Čakka* и *Čakki*) у паданских карелов, в этом же ряду уличная (т. е. неофициальная) фамилия *Čakkuzed*, букв. ‘Чаккоевы’ в Ондозере. В свою очередь, в Кустратко *Илгин* отразилось карельское прилагательное *ilgie* ‘бессовестный’, а в Михалко *Реболев* – карел. *repaleh* ‘оборванец’.

Список может быть продолжен. При этом, как и в приведенных в тексте примерах, это разного рода негативные характеристики.

Выявленные фрагменты прибалтийско-финского некалендарного именослова свидетельствуют о карельской странице в истории Заонежского полуострова XVII в. Они существенно дополняют список реликтовых

⁹ Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Keuruu, 1992. S. 523.

¹⁰ Patronen O. Rajakarjalaisen sukunimistö... S. 490.

¹¹ История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск: Йоэнсуу, 1987. С. 191.

¹² Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. С. 95.

прибалтийско-финских антропонимов, известных по материалам XVI в., а также топонимическому наследию Заонежья. При том, что часть именных основ свойственна и вепсскому именослову, их отличают некоторые дифференцирующие карельские признаки (геминация, сохранение конечного гласного, аналоги в современной карельской антропонимии), позволяющие отдавать предпочтение карельским истокам имен и их носителей. В ходе становления системы официальных фамилий в XIX–XX вв. карельские родовые патронимы были в основном утрачены. Часть из них сохранилась в названиях заонежских поселений.

Источники

КТК – Картотека топонимов Карелии (хранится в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН).

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–6. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisu; 18). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968–2005.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 556).

Suomen murteiden sanakirja (Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisu 30). 2011–2021. Доступ: <http://kaino.kotus.fi/sms/>. Картотека хранится в Центре национальных языков Финляндии / Kotimaisten kielten keskus (Хельсинки).

Литература

История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск: Йоэнсуу, 1987.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. С. 95.

Чернякова И. А., Суслова Е. Д. История Карелии XVI–XVII вв. в документах. IV. Писцовые книги Заонежских погостов 1616–1619 гг. [в 2 ч.] Петрозаводск: ПетрГУ, 2019. Ч. 1: Церковное и поместное землевладение. С. 82. <http://carelica.petrus.ru/mediateka/home/sources/3.html>

Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Keuruu, 1992.

Partonen O. Rajakarjalaisen sukunimistön kehittyminen osana Suomen karjalankielisen ortodoksivähemmistön suomalaistumista 1818–1925. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2017.

